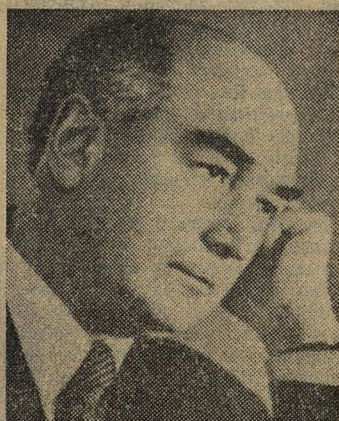

ПОДВИЖНИК СЦЕНЫ

Завтра исполняется 80 лет со дня рождения известного советского актера Николая Дмитриевича Мордвинова. В памяти поколений он остался художником яркого, могучего таланта, что покорило зрителей тонким проникновением в человеческую сущность своих героев. И сегодня, когда смотришь фильмы с участием Николая Мордвинова, вочию убеждаешься в силе его дарования.

Выдающимся достижением актера стал образ Арбенина в лермонтовском «Маскараде». Сначала в фильме С. Герасимова, созданном накануне войны, а затем в двух сценических редакциях спектакля Театра имени Моссовета Мордвинов достиг высоких классических образцов актерского искусства. Всех превосходных степеней не хватит, чтобы описать ювелирное раскрытие актером трагизма жизни, благородства и смятения души Арбенина. Каждое слово, жест, движение были наполнены таким эмоциональным, смысловым богатством, что о каждой сцене можно писать книги.

Сегодня мы публикуем рассказ старого друга и соратника Н. Д. Мордвинова — Ростислава Яновича Плятта, вспоминающего их юность, начало жизни, студию...

Вряд ли сегодняшние зрители и поклонники народного артиста Советского Союза, лауреата Ленинской и Государственных премий Николая Дмитриевича Мордвинова представляют его себе таким, каким мы помним Колю Мордвинова в студийные годы. И поскольку известен и подробно описан Мордвинов-поздний, мне хочется обратиться именно к тем далеким годам.

Время действия — осень 1926 года; место действия — одно из очередных прибежищ кочующей студии Завадского: угол Сретенки и... не помню, какого переулка, помещение бывшего паноптикума! Старшая группа студийцев, стоявшая как бы над курсами, играла на показах горьковские «Страсти-мордасти», водевиль «Два мужа». Мы, «приготовишки» с испытательного курса, с завистью и почтением поглядывали на них, наших наставников. Мордвинов был где-то посередине. Любопытен его многим показавшийся неожиданным бросок: из школьного небытия — в премьеры молодого театра, когда была сыграна «Простая вещь» и о Соболевском Мордвинова заговорила театральная Москва.

Это совершилось зимой 1927 года, стало быть, пятьдесят с лишним лет тому назад, а я и сегодня помню мордвиновский образ вплоть до мелочей — так это впечатляло! И, главное, непонятно было, из чего все это родилось!

Была в Мордвинове того периода некоторая комичность. Вот представьте себе! Длинноватый, длиннорылый, с носом, тоже почему-то казавшимся длинноватым, с несколько жалобно поставленными бровями «домиком», не очень складный, угловатый и предельно озабоченный — таким воспринимал я его в то время.

Прошли годы. Мордвинов продолжал олистать в Соболевском, в его репертуаре появился красавец Педриккан из пьесы А. Мюссе «Любовью не шутят», и уже начал набирать силу и мощь новый мордвиновский герой — живописнейший Дик Даджен, ученик дьявола из одноименной пьесы Б. Шоу, и вот «Волки и овцы»...

Когда на сцену вышел Мордвинов-Мурзаветский, я охнул: милый Коля явился мне из студийного далека! Разумеется, острейший образ, заданный Завадским и Мордвиновым сыгранный, не ассоциировался с молодым Мордвиновым впрямую, но что-то неудовольствие из того невольного мордвиновского жизненного комизма, безусловно, пошло в дело. Фигура — на грани распада... Полудиот, с плохо координированными жестами, с заплетавшими ногами и языком, озирающий мир безнадежно тоскливым взглядом — все не то! И только брови устремлены вверх печальным домиком... Великолепная фигура! И — вся в какой-то соломе... Конечно, такой Аполлон Мурзаветский в сочетании с упомянутыми мордвиновскими героями, да сыгранный

после них, производил эффект необычайный...

Очевидно, театроведы-исследователи творчества Николая Дмитриевича не согласятся со мной, так как становление Мордвинова прослеживается ими иначе; но у меня с молодых лет всегда был особый интерес как раз ко всему острохарактерному и комедийному в его творчестве. Я всегда с любовью следил за тем, как Мордвинов, предназначенный, казалось бы, для ролей трагедийных, героико-романтических, искал свое и находил в ролях, которые для трагика, скажем, выходя за пределы этойкой пикантной приправой. Но он был так заразительно-великолепен, играл, например, женоненавистника кавалера Риппафратты в гольдониевской «Тракиришце» или типологического бюрократа Костюшина в «Обиде» Сурова, что мне подчас становилось обидно: до чего же мало ценит он себя вот такого! Мне казалось это бесхозяйственным. А он, конечно, экономил силы и время для воплощения характеров могучих, о которых мечтал с юности. Смысл его театральной жизни виделся ему в образах Отелло, Лира, Арбенина, в столь же масштабном образе его современника — Забродина.

И вот грянул его успех в Соболевском, стало наше веселое племя переглядываться — откуда, мол?! И не каждый из нас понимал в то время, что как раз оттуда, из этой вот часто забавлявшей нас и запретной для нас зоны — его серьезной, подвижнической жизни, когда наедине с собой, но в интенсивном общении с тем объектом, над которым он в данный момент трудился, Коля размышлял, искал, пробовал, отвергал и опять пробовал, разминая себя, шлифуя и накапливая силы. Так, кстати сказать, в величайшей собранности на чем-то сокровенном, главным для себя прожил он всю свою жизнь.

Осенью 1927 года исполнилось десятилетие Советской власти. Все театры страны готовили торжественные спектакли, наша студия тоже решила не отставать. Для премьеры, приуроченной к ноябрю, выбрали пьесу «Простая вещь» — это была инсценировка «Рассказ о простой вещи» Б. Лавренца, посвященная одному из эпизодов гражданской войны в России. Под общим руководством Ю. А. Завадского спектакль этот ставил двадцатипятилетний Н. П. Хмелев, к тому времени уже ставший знаменитым Хмелевым. Помогал Хмелеву тоже мхатовец, актер и режиссер Б. А. Мордвинов: «Два Мордвинова в одном спектакле — это что-то обещает!» — шутили мы. В общем, студия готовилась к бою, который надо было выиграть, — ведь впервые на нашей маленькой сцене делался масштабный спектакль, впервые мы должны были выпустить афишу и открыть кассу (шутка сказать!) с продажей билетов в наш 90-местный зал... Уж очень хотелось госдрамкурсам Моск-

профобра при Соно (Сокольническом отделе народного образования) обменять свое длинное, канцелярское название на одно только не менее таинственное слово: театр...

Не помню точно, сам ли Коля нашел свой внешний вид, Хмелев ли ему посоветовал или снайперски точный в таких сказках Завадский, но как бы то ни было, на генеральных репетициях стало ясно: Соболевский ест! Вот когда в первый раз почувствовал я силу внешней выразительности и полюбил грим и образные поиски на всю жизнь.

Со всем тем уже многим, что к моменту генеральных было накоплено Колей для роли, ясно было, что от себя ему Соболевского не сыграть. Внутренний багаж требовал, так сказать, «наружной упаковки». И тут все было найдено предельно точно. Грим минимальный, костюм подчеркнуто скромный: темно-коричневая гимнастерка с шитыми погонами, щегольски обтянутая под тонким ремешком, черные галфе, черные же, облегающие ноги до колен кавказские сапожки без каблуков, четкий рисунок белого аксельбанта — через плечо на грудь, на пояс — маленькая кобура, в руке — стек. Стало очевидно, что, приближаясь к генеральным, Коля репетировал, прицеливаясь именно к этому костюму и гриму, и сразу все сошлось: внешнее и внутреннее сочеталось прочно, органично.

Я любил незаметно наблюдать за преображением Мордвинова. Еще не надев костюма, но уже положив рядом кубанку, которую он ощущал, как грим, Коля медленно покрывал лицо бледным своим тоном, наводил бровь, задумывался, поглядывая перед собой, иногда в зеркало, а то и мимо... И с каждым жестом он отдалялся, отплывал куда-то от того недотепистого Коли Мордвинова, которого я пытался описать вначале. И наливался неведомой силой... Какое все-таки волшебство — театр!

Вспоминаю, как в день премьеры «Простой вещи» уже предельно измотанный после двух или трех бессонных ночей, закончив монтировку света, Коля решил сбежать в баньку, а потом сесть гримироваться. Из бани вернулся он в студию не освеженным, а разбитым, прилег отдохнуть и... заснул поистине богатырским сном. Он так жадно и красиво спал, что жаль было его будить. Спектакль мог начаться без него, но тем не менее его стали гримировать спящего, сберегая его силы! А потом он проснулся, встал, размялся и — сыграл своего Соболевского. Тоже по-богатырски.

Мне и сегодня видится, что наш исполнил Коля, как много лет назад, взойдет сейчас на сцену, где никто, никогда не видел его покойным, где он привык стоять во весь рост, мощный, красивый, великолепный, и жить во всю ширь... Жить!

Ростислав ПЛЯТТ,
народный артист СССР.